

Культура. - 1995. - 8 апр. - с. 5.

Стакан молока для Шульженко

По решению Политуправления Ленинградского фронта наш джаз-ансамбль был направлен для обслуживания легендарной ледовой Ладожской трассы, прозванной ленинградцами ДОРОГОЙ ЖИЗНИ, и частей Действующей армии Волховского фронта.

В середине февраля 1942 года мы мчались по льду озера при морозе в тридцать два градуса. Это была дорога надежная. И сердце просто заходило от радости, когда мы видели идущий нам навстречу, в Ленинград, непрерывный поток груженых продовольствием машин. На тридцати трех километрах трассы этот поток шел безостановочно. Немцы сначала даже не поняли, что произошло. Они решили, что с такой регулярностью, такой непрерывной цепочкой грузы могут идти только по железной дороге.

Нас поместили в деревне Мостовой, расположенной в трех километрах от пирса (пристани поселка Кобона), где были сосредоточены все грузы продовольствия для Ленинграда. Здесь больше двух месяцев была наша база. Отсюда на своем автобусе мы совершали гастроли во всех направлениях Ладожского озера.

Не побоюсь показаться сентиментальным, но здесь, на Ладоге, после долгих дней и ночей блокады в хате доброй русской крестьянки по имени Аграфена мы впервые увидели живых кошек и собак. «И, о чудо, — восторженно вскрикнула Шульженко, — живая королева!». И тут же я вспомнил концерт на одном из ленинградских аэродромов в октябре 1941-го. Начальник клуба этой летной части Тылевич (известный театральный деятель, впоследствии главный администратор Малого театра) спросил, что нужно для того, чтобы сразу начать концерт. И тут Клавдия Ивановна говорит: «Ведь я простужена и боюсь, что больше одной-двух песен спеть не сумею». Я добавил:

ах, если бы стакан горячего молока!..

Тылевич исчез на двадцать минут. И принес стакан настоящего молока. Вы бы видели, с какой радостью этот человек подогрел на спиртовке для любимой артистки столь ценный стакан молока, который помог провести концерт.

Как ни старались мы, здесь, на Ладоге, держаться и быть бодрыми, наш вид, видимо, не удовлетворял врачей, и нам дали трехдневный срок, чтобы привыкнуть под строгим медицинским наблюдением к нормальному питанию. После того, как мы немного «отошли», началась интенсивная работа. По три-четыре концерта давали мы в день. Нашими зрителями были в основном водители автомашин, перевозивших продовольствие и боеприпасы, летчики, охранявшие трассу, пехотинцы прибывающего из Сибири пополнения, дорожники, которые строили и ремонтировали уникальную ДОРОГУ ЖИЗНИ.

Фашисты бомбили эту дорогу круглосуточно, и озеро покрывалось воронками. Поэтому вдоль трассы стояли девушки с красными флажками, указывая безопасный путь в обход огромных пробоин во льду от недавнего налета. Узнав, что на трассу приехали артисты да еще джаз, да еще и их любимая Шульженко, девушки остановили наш автобус красными флажками и в «ультимативной» форме заявили, что дальше нас не пропустят, пока мы не дадим концерт. Клавдия Ивановна в таких случаях не заставляла себя долго просить.

...24 марта 1942 года, наш ансамбль давал три концерта для воинов Волховского фронта и водителей автомашин. По окончании третьего нашу маленькую фронттовую семью (ведь с нами всегда был наш девятилетний сын Гоша) пригласили в землянку командующего 54-й армией Волховского фронта Ивана Ивановича Федюнинско-

го за празднично накрытый стол.

Первый тост был провозглашен за Генералиссимуса Сталина. На этом месте, уважаемый читатель, хочу задержаться.

Я не политик, не дипломат и не собираюсь своим скромным умишком куллетиста из Одессы судить о людях, бесспорно, выдающихся, со всеми их взлетами и падениями. Сейчас, в наше время «плюрализма», некоторые «умники» и среди них уважаемые историки в своих воспоминаниях задним чис-

совершенно неожиданным — в честь Клавдии Ивановны Шульженко по случаю дня ее рождения.

Удивленный и обрадованный, я спросил Ивана Ивановича, как он узнал об этом семейном празднике? Генерал отшутился:

— Если бы моя разведка так же точно доносила мне о планах врага, как точно мне донесли о дне рождения Шульженко, то, смею вас заверить, успех на Волховском фронте был бы более значительным.

Неожиданно генерал с напускной строгостью спросил:

— Что же это вы, Клавдия Ивановна и Владимир Филиппович, одновременно обслуживаете и нашу, и фашистскую армию?!

— Видя наше недоумение, он, уже смеясь, рассказал, как недавно слушал передачи по радио из оккупированного Пскова и вдруг попал на концерт нашего джаз-оркестра.

«Ахтунг! Ахтунг! Выступают русские артисты для солдат и офицеров великой Германии!». Мы смотрели на Федюнинского, ничего не понимая. Успокаивая нас, генерал продолжил: наверное, на одном из ваших концертов в какой-то части культработник сделал запись, а при нашем отступлении немцы в качестве трофеев захватили эту пленку.

Потом нам самим довелось услышать эту запись: «Мы счастливы, дорогие друзья, что сегодня выступаем для вас!».

Такими словами начинался концерт. И голос был мой, и слова вроде бы мои. Но сильно препарированные. В подлинном варианте я говорил: «Для вас, сталинских соколов, истребителей фашистских асов — наша музыка и песни». А по немецкому радио: «Для вас наша музыка и песни...».

Что говорит, фальсификация была сделана на высоком пропагандистском и техническом уровне. И мы с Клавдией Ивановной могли только с ужасом представить себе, как прокли-

нали нас те наши люди, кто слышал эту передачу.

...Началась весна 1942 года, и лед на Ладоге становился слабым. Наша работа на трассе подходила к концу. Было уже известно, что на Военном Совете Волховского фронта Георгий Константинович Жуков сказал, что к «службе быта» на Ледовой трассе никаких претензий нет. Нам приятно было сознавать, что к этой «службе быта» относилась и работа нашего фронттового джаз-ансамбля. За два с половиной месяца мы успели дать свыше 200 выступлений.

И вот мы в последний раз грузим инструменты в автобус и направляемся к нашей постоянной базе в деревню Мостовую. Но не успеваем выехать из Кобоны, как начинается налет фашистской авиации. Выскакиваем из автобуса и забиваемся в канавы. Мы не раз попадали под бомбежки, были уже достаточно обстреляны, но такой, честно, нам, пожалуй, испытать еще не приходилось. И что греха таить, было очень и очень страшно. Самый храбрый оказался наш сын Гоша. Несмотря на отчаянные крики матери — «заройся в землю», он все время высовывался из канавы и считал самолеты.

...На рассвете маленький пароходик Ладожской флотилии взял курс на Ленинград. Мы медленно продвигались среди множества мелких и крупных льдин. Нас сопровождали наши истребители, как их тогда с любовью называли, — «кишачки». На душе было спокойно. Но через какое-то время совершенно неожиданно наш пароходик начал петлять и резко поворачиваться то в одну, то в другую сторону. Загрохотали зенитки. Нам сказали, что это новый налет на Кобону...

Владимир КОРАЛЛИ.

● Клавдия Шульженко и Владимир Коралли. Первые награды.